

ОТЕЦ

(Воспоминания сына Якова о своем отце Иванове Порфирии Корнеевиче¹)

Знакомство

27 декабря 1990 года перед похоронами Валентины Леонтьевны Сухаревской было не до знакомства. Полторы сотни, приехавших в Дом здоровья, находились во власти совсем других мыслей. Оказавшись рядом с Яковым, я лишь протянул ему газеты с материалами об его отце, которые он принял с благодарностью. Однако Природа словно нарочно создавала начало нашему основательному знакомству. Когда среди толпы мы вновь оказались рядом, то естественно перебрались несколькими словами:

– Вот вы все едете сюда, – говорил Яков. – В этот дом. Много про него говорите, а ничего про своего Учителя не знаете. У вас в понятиях все не то. Вы даже не хотите узнать в Иванове человека.

Он разочарованно махнул рукой, обращаясь ко всем стоящим рядом. Этот искренний жест от сердца был красноречивее всякого слова.

– Вы даже не задумываетесь, что в этом доме отец жил недолго. А ведь есть другой дом, где он прожил тридцать лет. Вы только подумайте: тридцать лет. Ваш Учитель там жил, купался, ходил, ел, спал. Это вам не так просто. Вот бы надо где всем побывать. Ничего вы про отца не знаете.

Яков не просто приглашал всех в Красный Сулин. Он просил найти корреспондента, который приедет к нему, окунется в атмосферу дома и расскажет всем правду. Он похоже не догадывался, что корреспондент стоит перед ним.

Яков просил приехать так искренне. И у нас состоялся об этом договор.

После знакомства с Яковым поездка в Красный Сулин у меня не выходила из головы. Я достал водки, фотопленки, магнитных кассет и сахар для гостинца – все, казавшееся необходимым для сбора материалов и душевных бесед. Главное же, я готовился внутренне, совершенно не зная, в каком ракурсе о сыне П. К. Иванова писать.

Дом

Красный Сулин – город достаточно большой, чтобы в нем поплутать в поисках нужной улицы, особенно в темноте. Я спрашивал Первую Кузнечную 12, и люди мне объясняли, как лучше ехать, пересаживаясь с одного автобуса на другой. Невольно вспоминались утверждения Якова, будто его тут все знают. Люди затруднялись показать точно улицу, но стоило мне произнести фамилию Иванов, как все сложности исчезли в один миг.

Моему приезду в доме Ивановых очень обрадовались. Якову и его жене Вере в большом доме явно не хватает людей. Мне набрали воды из подземной скважины ("кринички"), я тут же во дворе облился. Позже мне стало известно, что в доме еще есть водопровод, водяное отопление и даже ванна с горячей водой, газовая колонка, утепленный чешским линолеумом пол. Вера готовила пищу на газовой плите, домашняя печь осталась на случай непредвиденных стихий. Все эти блага были созданы добротой на века еще при Порфирии

¹ Беседу вел Виктор Орлин.

Корнеевиче, когда в Сулине о таких удобствах многие могли только мечтать. При отце были построены и летняя кухня, и большой гараж, которые смело можно назвать вторым каменным домом. По словам Якова, в доме было и есть все, кроме телефона, который не поставили потому, что была бы сильно перегружена междугородная линия связи.

Именно в этот дом приезжали к Учителю много людей отовсюду, среди них москвичи и жители хутора Верхний Кондрючий. Отец принимал всех здесь. А скорые поезда, по словам Якова, останавливались часто недалеко от дома, не доезжая до железной станции. Такое уважение машинисты оказывали отцу, хотя он от людей совсем ничего не требовал.

– Сначала в Красном Сулине мы жили в другом доме, – рассказывал Яков, – неподалеку от этого на улице Ленина. Тот дом купил еще до войны дед Корней, живший в Ивановке со своими детьми. Потом из Ивановки сюда стали переезжать братья и сестры отца. Этот же дом на Первой Кузнечной купил отец сразу после войны, оформил его на маму. Живем мы здесь с конца сороковых годов. Недалеко отсюда на речке Кондрючке (еще ее называют Гнилуша, это та же речка, на которой стоит хутор Верхний Кондрючий) рубили для отца прорубь. Тут есть большая плотина, где раньше рубили лед для холодильников. Отец часто купался в проруби. До войны он особо никуда не ездил. Был в этих местах. С соседями отношения умел строить исключительно хорошие. Помогал всем в трудную минуту, всегда, если было чем помочь.

– Дядя Паша, троячок дай? – спрашивали.

– На, – тут же доставал из кармана и отдавал. Никогда никому не отказывал, если у него были деньги. Детям – конфеты, шоколадки, московская карамель. А сколько соседей говорят, что дома свои построили благодаря его помощи! И в голодное время подкармливал всех, то кукурузной мукой поможет, то еще чем-нибудь.

– Отец все время брал меня с собой, – говорил Яков. – Так, чтобы в степи оказаться, я с ним конечно не был. А вот в поезде в дорогу по городам или на машине брал часто. Еще когда был маленький, наступят каникулы, отец подойдет и говорит: "Поедем, сынок, со мной". Я был все время с ним. Помню, как приветствовали его разные руководители, однажды Ворошилов и Каганович – все его знали. Он никогда не говорил человеку: "Давай тебя вылечу", – а говорил: "Закалкой-тренировкой ты можешь сам себя вылечить". Говорил: "Вот смотри, как делаю я – я же не болею ничем". Такой у него был смысл.

В 1933 году, когда отец начал свой эксперимент, мы жили в Армавире. Я ведь тогда был маленький, пухленький (родился 25 ноября 1925 года), только пошел в школу. Помню, в то время стоял страшный голод, разбой. Дом на запоре. Отец нам на всякий случай оставлял пистолет. Утром встаем, а почти под каждым домом лежат умершие. В холодце, купленном на базаре, находили пальцы человеческие. Ели щавель, крапиву, всякую траву. И боялись, чтобы я тоже не попал на холодец.

Нас поддерживал отец. Он тогда работал снабженцем Северо-Кавказского военного округа. Мы получали паек отцовский. Еще он привозил то муки кукурузной, то крупы, то чего-нибудь другое. Сам он находился постоянно в разъездах. Мы жили больше втроем. Старший брат Андрей (1918 года рождения) ходил в школу сам, а меня возила машина ("эмка") или мама провозжала, одного не отпускали никуда.

Запомнилось, как однажды отец меня хотел забрать, он намеревался начать жить с другой женщиной. Подъехала "эмка", отец заходит и говорит матери: "Я Якова заберу с собой". А Андрей, как начал его ругать: "Никуда ты его не заберешь. Сейчас же уезжай отсюда".

Выгнал отца, меня не отдал. Потом приезжает отец уже почти раздетый. Привез толстые книги ("Физиология" Гедона, "Человек" профессора Ранке в двух томах) и говорит: "Все. Я уже, Уляша, не работаю. Поедем в Красный Сулин". И мы переехали сюда.

Семья

Об отношениях отца с матерью Яков рассказал следующее:

– Я никогда за все годы не слышал и не видел, – подчеркнул он, – чтобы у них был скандал. Отец никогда на мать не повышал голоса. Мать ругала его, могла сказать: "Черт проклятый, бородатый". А он нет: "Уляшечка, Уляша, бабка", – он плохого слова на нее никогда не говорил. То, что было до меня, я не знаю, не могу сказать. Мать говорила, вроде, как могло у них немного быть, но все равно она больше командовала. Она рассказывала один случай, как отец привел однажды продавать верблюдов. И захотелось ему играть в карты с компанией, а она не давала. Тогда он запер ее вместе с верблюдами, где она плакала. В то время детей у них еще не было. Но мать говорила, никогда ее отец не бил.

Он ее даже пальцем не тронул. В воду и огонь бежал за ней. Ведь отец всегда был лихой. Когда поджег английский самолет, то в хате стали дежурить жандармы, чтобы отца-партизана арестовать. Так отец не раз обманывал охранявших дом жандармов: залезал в дом через окно, чтобы только мать поцеловать. Вот он был какой.

Как-то мать еще в начале его эксперимента остригла ему ночью полбороды. Она хотела заставить его постричься. Отец хотя и возмущался: "Что ты, бабка, наделала?" – но стричься все равно не стал, так и ходил, пока само не выровнялось. И мать больше его не трогала.

Начиная с Армавира, отец уже ни на кого не надеялся, только на себя. И с того же времени его начали делать сумасшедшим. Ему говорили: "Брось! Зачем мучаешься из-за ерунды?" А он: "Нет. Мне Природа сказала, чтоб я вот этим делом занимался". Не скажу, что он сразу пошел в Природу раздетым. В мыслях-то, может быть, и сразу, но людям он так показался постепенно. Сначала надевал при людях тапочки, рубашку, особенно если отправлялся в дорогу. Как он этот переход осуществлял, точно не могу сказать. У нас же как было: просыпаемся ночью, а его нет. Метель, пурга. Утром соседи едут на лошадях с Гукowo, говорят: "Побежал ваш. Просил сообщить, чтоб не беспокоились".

Раньше ведь, когда он был еще в брюках и с бородой, его часто забирала милиция. "Чего ты так ходишь?" – спрашивали и забирали, как шамана, заставляли одеться. Это позже, когда о нем узнали уже все, тогда он повсюду мог быть в трусах. А сначала и в Москве (на Казанском вокзале и по городу) проходил в рубашке и в брюках. Дойдет до квартиры Марии Матвеевны или к кому-то еще, там уж только разденется. В Москве милиция к нему хорошо относилась, но долгое время его просили одеться. А рано утром он всегда выбегал в трусах. Как выскочит, а там поливальщики, им интересно облить такого человека.

Мой старший брат Андрей отца сильно стеснялся. Он вращался в обществе комсомольском и коммунистическом. Над ним там смеялись, говорили: "Ты отцу штаны не можешь купить". Андрей был видный, но скрытый, фактически всегда отдельно от нас. Он был руководителем и организатором. И в то время, по сути, отказался от отца, еще до войны сменил свое отчество, стал Андрей Павлович.

В Красном Сулине Андрей работал токарем. Затем его комсомол послал в Ростов учиться, оттуда направили работать в Херсон. Помню, мы ездили к нему в Херсон в гости, где он

был комсомольским секретарем при горкоме партии. Так отец даже одевался, чтобы попасть к нему. Там же Андрей женился. Он, как бы поточнее сказать, умел приспособиться. Имел жену и тут же мог завести дела с генеральской дочкой. Служил он сначала в морфлоте, в Кронштадте. Потом был личным адъютантом командующего 5 Ударной армии генерал-полковника Цветаева, имел звание лейтенанта. Погиб под Ростовом, подорвался на mine.

Жена его Татьяна Ивановна долгое время жила в Красном Сулине, в доме по улице Ленина, потом переехала с матерью и сестрой в город Шахты, где живет до сих пор. Всю жизнь она была и осталась преданной Андрею, замуж ни за кого не пошла – в мыслях и словах только о нем. Их сын Геннадий сейчас живет во Львове, на военной пенсии в чине полковника запаса.

Так что в этом доме мы жили в основном втроем: отец, мать и я, а потом вчетвером, когда я в ноябре сорок девятого женился на Валентине Васильевне Резниченко. Получилось, что я как бы отбил Валю у своего товарища. Он меня с ней познакомил, пошли на танцы. Потом я говорю: "Зайдем к нам на чай. Поиграем в карты". Она и товарищ: "Пойдем". Пришли домой, попили чаю, а моя мать Валю спрашивает: "Тебе нравится Яша? А ты пойдешь за него?" "Пойду". Так мы и поженились с Валею, моей первой женой. Жили с ней долго. А с Верой мы поженились пять лет назад, после Валиной смерти. Детей, скажу прямо, к сожалению, у меня нет.

Путь отца

Беседа с Яковом, я не мог удержаться от вопроса, как он относится к тому, что его отца многие называют Богом. Яков оказался в затруднении:

– Я слышал, как отец про себя говорит: "Я – неумирающий человек". Я знаю, что такого отца и человека в мире больше нет. Есть хорошие и плохие, но такого больше нет. Я от него знал только хорошее. Для меня отец – это все, больше чем Бог, это сверхъестественный человек. Никто плохого слова не скажет за отца: "Это ж, – говорят, – Иванов!" И всем все понятно.

Вообще-то мы воспитаны сталинизмом. Шли за Родину, за Сталина. Как наше поколение может за это забыть? Это раньше люди шли за Бога. А у меня и мыслей о Боге не было. И сейчас нет. Знаю точно, что отец никогда в политическую и религиозную сеть не влазил. Он думал только о человеке. Поэтому его всегда уважали: и руководители, и простой народ.

Вот знаю один такой случай в Баку. Холодно было очень. А отец встал раздетый на базаре, скрестив руки, как Иисус Христос. Перед ним сразу целую кучу денег наложили. Людей невозможно много, богатых и нищих, толпа дивится на него. Отец спрашивает, указывая на деньги: "Это мое? Вы мне их дали? Значит, я могу этими деньгами распорядиться?" Берет их и начинает эти деньги всем нищим раздавать. А одна бабка подбегает к нему и давай ругаться: "Я, – говорит, – эти деньги тебе дала, а не нищим. Что ты делаешь?" Дескать, нищие для нее никто.

Я сам не присутствовал, но слышал, как отец рассказывал это матери.

Однажды читает отец, как один киевский профессор пишет о вреде курения. Говорит: "Я с ним согласен. Поеду до него". Поехал, а через два дня вернулся очень взволнованный и

расстроенный. Рассказывает: "Приезжаю, прихожу к профессору, а он курит. Как же можно ему верить, если он сам курит, а людей учит, что это делать нельзя?"

Отец всегда доказывал своим примером. Помню, холодина за сорок градусов. В газете писали, что рельсы лопались от такой температуры, а он раздет да еще едет на площадке товарного поезда со Зверево. Железнодорожники дивятся: "Порфирий Корнеевич, как так можно?" А он подойдет к трубе для заправки водой паровозов, скажет: "Ну-ка, сынок, полей на меня". Тот, конечно, с радостью на него столб воды "бух". Волосы и борода отца схватывает льдом моментально, а тело горит и под ногами тает. Потом садится на заднее сиденье мотоцикла: "Яша, поехали". Я ему: "Пап, ты хоть обсохни немного в бытовке". Он: "Поехали, поехали". Никогда ничем не обтирался.

Болезнь он, конечно, никогда не болел. Только один раз, когда на бегу упал в открытый люк и очень сильно повредил ногу. Температура тогда большая у него поднялась, но отец не позволил с ногой делать никакой операции. Нога у него быстро зажила, хотя так и осталась толстой.

Скажу больше, когда отец пошел по своей идее, у нас в семье никто уже не болел. Не только я, мама тоже болеть перестала. Даже умерла моя мама легко и моментально.

Отец был хозяин: всегда все делал сам. Дома он ухаживал за коровой, косил сено, копал и сажал огород, тяпал посаженное. Даже когда мать продавала молоко от коровы, он носил ей его на базар. В огороде папа сажал бахчу, выходил к ней по утрам, что-то подтыпывал. У него арбузы и дыни всегда были огромные, один к одному. Как он уехал, я тоже начал сажать, так у меня получается не бахча, а мячики. Что такое? Не пойму, вроде все так же делаю.

Ел папа, как обычный нормальный человек. Но в субботу до воскресенья никогда. Он мог и по неделе не кушать. Мать ему: "Отец, что ты голову морочишь?" А он: "Я сказал". Тогда он старался большей частью находиться вне дома. В гости ходил: то там побудет немного, то там, – чтобы не было людям заметно. А ночью мог сказать: "Уляшечка, давай я буду кушать". И свое голодание прекращал. Кушал он все, что было в доме, но особенно любил крошку с соленой рыбой. Гречка с молоком – тоже первая еда. Борщ, картошка, молоко – в общем, что мать готовила. Мясное он сильно не ел, но любил мясо жирное, возьмет маленький кусочек наполовину с жиром и съест. Зимой сало соленое тоже ел немного.

Как-то на курорте в Кисловодске врачи признали у меня диабет, назначили мне диету. Так отец говорит: "Выбрось это из головы. Ешь все, что хочется". Так я и делаю. И по сей день никакого диабета у меня нет.

Из развлечений у отца первым было играть в карты. И еще писал свои тетради. Обычно делает дела и обращается к матери: "Бабка, тебе что-нибудь надо делать? Нет? Ну, тогда я побегу до греков". Кругом нас живет много греческих семей, целый греческий поселок со своими традициями. С греками обычно и играл отец. Не забуду случай, как он также спросил и пошел, а мать смеется: "Сейчас, – говорит, – он вернется. Вот увидишь, до греков не пойдет". Точно, через несколько минут отец возвращается: "Бабка. Ты взяла? Ну, отдай". Оказалось, он спрятал деньги в туалете, а мать эти его деньги нашла.

Обычно у греков играли в "Шестьдесят шесть", играли на деньги, на мелочь, могли играть до самого утра. Но скажу, что отец привык всегда проигрывать. Ему было важно общение, хорошее расположение людей, и потому он не выигрывал почти никогда. Однажды я

пришел с ним, сразу выиграл и собирался уйти. Так он говорит: "Больше не приходи. Раз-ве так можно?" Для отца это была особая тяга. Но когда приезжали люди, он, конечно, не ходил никуда.

Помню, в середине пятидесятых годов отец приезжает и привозит кожаный плащ на теплой подкладке. Я говорю: "Пап, откуда ты вещь такую богатую взял?" Он: "Сынок, ничего не мог сделать. Ехали со мной в вагоне летчики. Увидели меня раздетого и говорят: "Дарим тебе вот эту шубу". Я как только ни отказывался. Спрашивают: "Есть у тебя сын?" Отвечаю: "Есть". "Вот обязательно отдай ему. Раз ты не будешь носить, то сыну отдай".

Он привозил мне все дареное. Себе отец никогда не брал ни грамма лишнего. Мог взять только ткани себе на трусы и матери на платье. Больше ничего в жизни себе не брал. Но люди были готовы ему все дать. Ездили мы однажды с ним на рыбзавод на Азовском море. Как отец приехал, то люди там были настолько воодушевлены, что подарили нам бесплатно целый бочонок икры черной и красной. Директор выписал за счет предприятия.

Денег же отец никогда ни у кого не брал. Наоборот, помогал всем, отдавал последнее. Когда нужно, он шел в организацию и просил выписать, если имеется возможность. Если нет, значит, нет. "Извините", – и пошел. Но обычно ему всегда шли навстречу. Отец ведь не обогащался. В его системе ни драки, ни зависти, – ничего плохого нет.

Но скажу прямо: отца уважали до войны и сразу после нее больше, чем, начиная с шестидесятых годов. Тогда руководители были другого порядка, еще не испорченные взятками. Отец прямо в трусах заходил до секретаря горкома партии, и его понимали. Тогда вообще люди были другие, чем теперь. В отце они все видели человека необычайного.

Никто за отца плохого слова не мог сказать. Только те руководители говорили плохо, которые его преследовали. Плохие люди были всегда. Преследовали, потому что отец их "бил по козырям". Они не любили справедливость и правду, но хотели, чтоб народ шел за ними. Ведь еще деда моего Корнея они раскулачили по доносу за то, что у него было две коровы, две лошади и четыре кабана. А то, что в семье у него в это время было 18 душ, даже не посмотрели. Отец тогда ездил в Новочеркасск, куда деда отправили по этапу, и спрашивал: "Кого вы арестовали? Какой же это кулак, если на одного человека положена одна корова?"

А после войны сестру отца Лидию Корнеевну, знаменитую партизанку "Аннушку", тоже они осудили. Два года человек провел в тюрьме. Потом о ней книжка вышла, вроде как оправдали, но годы-то не вернешь.

О плохих людях и их службах вспоминать не хочется. Еще при Хрущеве приезжал в нашу страну высокий представитель из Америки. Отец решил с ним поговорить, взял билет в Москву. Так его на вокзале задерживают и в милицию. В доме обыск устроили, забрали пишущую машинку и тетради. Держали отца трое или четверо суток, пока американец не улетел из Советского Союза. То же самое было, когда отец собирался поговорить с проезжавшим по Украине Хрущевым. Тогда видно и появилась легенда про отцову пишущую машинку. Несу я ее обратно домой, а меня спрашивают по дороге: "Это та машинка, на которой деньги печатают?"

Чего только не придумывали про отца. Карикатуры и выступления местных газет вспоминать не стану. Они все равно ничего не могли сделать. Ведь у отца никакой политики не было. Вреда он никакого не делал. Эти люди считали его за шамана и отправляли в больницу, как нервно-психического человека. Но даже в больницах его принимали обычно ис-

ключительно. В Ростове отец лекции студентам читал. Я не раз его возил туда, нас встречал профессор. Разве сумасшедшему позволят читать лекции? Подумайте сами, разве это просто так?

Сам отец мне про это все говорил: "Яша, не трогай ты никого. Время придет, и они поймут, что они делали. Бедные они люди!" Он всегда называл бедными людьми тех, кто заблуждался. Независимо от звания. Раз приезжает и рассказывает: "Знаешь, с кем я ехал в одном вагоне? С Шолоховым. С ним еще один писатель. Коньяк пили, меня в свое общество приглашали, а я с ними пить не стал. Эх, бедные они люди". Сам он душой был богаче всех.

Сыновья доля

– Я не знаю, как это сказать, – утверждал Яков. – Но я чувствую, что отец во мне, а я в нем. Я не мог без него жить и до сих пор не могу без него жить. Если я от него откажусь, я никто буду. Скажите, кто такой буду я без отца? Меня никто не станет считать. А сейчас я иду, и все говорят: "Вон пошел Яшка Иванов", почет и уважение. Везде говорят: "Это же сын Иванова". Меня знают больше, чем какого-нибудь профессора или академика. Профессоров ведь сейчас много, они не сенсация. Для меня отец – это все. Я жил ради отца, и никто не может отнять или изменить этого.

Я и сейчас могу с отцом пойти раздетым в любую пургу. У меня ведь тело, кожа, сложение – все его. Голос тоже такой. Даже мизинец на левой руке сам изогнулся, как у отца. Очень большая сила воли. Вы вот у отца учитесь, закаляетесь. А у меня и без того ноги всегда теплые в любой мороз. Я живу только ради отца, у меня больше никого и ничего нету.

Я не представляю, как отец мог в своей жизни все перенести? А я ведь с ним вместе окрошку ел! На этом самом месте! Меня он никогда не обидел. Вот бы он сейчас поднялся! Скажет: "Яшечка, чего тебе?" Никогда он не оставлял меня своей заботой. Даже когда я был в санатории в Пицунде, а он был в Москве, и тогда он умел помочь.

А когда я был еще маленьким, играл рядом с ним на диване, случайно сбил со стены папин портрет, то отец невольным жестом толкнул меня. Но тут же достает из кармана 25 рублей и протягивает мне, мальчишке, с извинениями. Мать увидела такие деньги, у меня их отобрала, а отец: "Уляшечка, отдай. Он ведь заслужил. Я его ударил".

После войны отец сразу позвал меня к себе в этот дом. Написал, что купил мотоцикл. Не забуду, как я сюда возвращался. Иду в костюме, с чемоданчиком, все меня приветствуют. Подхожу к дому на улице Ленина, а мне говорят: "Вы здесь больше не живете. Идите туда". Только выхожу из-за угла, а папа идет в другую сторону с ведрами по воду. Увидел меня, бросил ведра и бежать обратно ко мне. Никогда не забуду этого радостного до слез момента.

Потом он поехал для меня за мотоциклом, кажется, в Москву. Скоро его купил. Он в то время начал ездить по городам. А "Волгу", знаете, как достал? Они тогда только-только начали выпускаться. Выделили всего две машины на управление шахт всей области. Я в тот момент работал на шахте в Красном Луче. Характеристику мне сделали превосходную. Но первым на очереди на нашей шахте стоит главный инженер, поднимает он вопрос, что ему положена машина. Тогда ему сам начальник управления говорит: "Подождешь своего, а эта машина будет Иванову".

Поехали мы с отцом за "Волгой" в Горький зимой. Так там чуть ли не весь завод работать прекратил, все шли на отца посмотреть и его послушать. Секретарь обкома партии с женой и дочкой за город – фотографироваться. Представляете, человек в трусах, а там зима. Отец тогда много с народом говорил, даже спать не ложился, все беседовал. Когда стали решать, какую машину нам выдать, то показывают: "Берите вот эту, в ящике. Она в Индию предназначалась, а теперь ваша". На этой машине я отца куда только не возил. На Кавказ, в Днепропетровск, в разных областях были. Сам отец за рулем никогда не ездил. На мотоцикле он пробовал несколько раз проехаться, даже мать однажды взялся прокатить. Ехали тихонько, но отец никак не мог остановиться, газ сбросил, а мотоцикл едет и едет. Матери пришлось прыгать. Отец же, наехав на стену, махнул на технику рукой и больше никогда за руль не садился.

Отцу везде была дорога открыта. Открыта с ним она и сейчас. Ведь такого отца в мире больше нет. Я был плохой сын: его слушал, а систему его не выполнял. Но у меня все равно никогда ничего не болело, только попадал в аварии, разбивался. Раз появился на груди чирей. Отец потрогал его пальцем, и тот на другой день исчез. Как-то мы приехали с ним в Верхний Кондрючий, у меня голова разболелась до невозможности. Я ему: "Пап, у меня что-то голова". Он резко: "Пить надо меньше". "Да я, пап, вроде немного", – отвечаю. Он: "Иди сюда", – взял руками голову, подержал, и боль исчезла.

Я хоть и не подчинялся системе, а все-таки тело свое ему отдавал. Знал, что он всегда поможет. И сейчас, когда мне плохо – а когда тяжело, всегда за последнее хватаешься – я выйду: "Папа, помоги мне". Он мне все дает.

И все знали, что я сын Иванова. Все меня знали и знают. Но я лишнего не делал, не игнорировал отцом. То есть, сильно не игнорировал. Я при обществе никогда не закурю и не выпью, не стану компрометировать. Он, конечно, касается меня: "Яков, не делай то". Или: "Туда не езжай". Все равно выходило по его, хоть я не всегда слушал.

О том, если кто не выполнял, отец говорил: "Как я могу убеждать человека, который не хочет? Это ведь не принудилровка, а свое! Захотел – пожалуйста! Я тебе помогу. Но придет время для каждого человека. Он поймет, куда ему клониться: к левому или правому".

Отец никогда от меня не отказывался. Он меня просил: "Брось все это. Особенно курить. Это еще хуже, чем немного выпить". Конечно, неудобно, что я этим занимаюсь. Но я не влезал в его систему. Он для меня не кто-нибудь, а отец. Мой долг был встретить, привести людей и проводить. Это я делал всегда, часто ночью, независимо от работы.

Инстинкты сохранения у меня очень хорошо развиты. Представьте, в 4 утра встаем с отцом: "Яков, поехали в Москву". Садимся в машину и тысячу километров через Харьков. А в десять часов вечера я уже водку пью в Москве. Вот так ездил. А сколько раз совсем пьяный ехал? Отец отправляет меня с Кондрючего домой: "Ничего, сынок, езжай. Леонтьевна, дай ему сто грамм. Все будет нормально", – и никогда со мной после этого ничего не случалось. Всегда доезжал.

Милиция к отцу относилась исключительно. Меня милиционеры даже сами водкой поили, чтобы только не спешил ехать. Им бы с отцом подольше поговорить. С папой говорят, а мне: "Ты пойдешь, погрейся в нашей будке". Часто в дороге бывало так: останавливаемся на заправку, я проголодаюсь. Холодно, а отец не хочет никуда заходить. Скажет мне: "Ну, ладно, ты иди, кушай". Сам же по трассе обледенелой бегом. Машины обычно его не обгоняли, а колонной за ним шли. Пурга, метель. Водителям интересно сопровождать такого

человека. Я колонну обгоняю, останавливаюсь. Отец садится в машину, и мы едем дальше.

Стоит мне только сказать: "А вы знаете, кто я такой? Я – Яшка, сын Иванова, который зимой и летом ходит в трусах". Мне сразу отвечают: "Видели. Слышали", – и всегда идут навстречу. Однажды я был хорошо выпивши. Меня задерживают в Шахтах, направляют на исследование в больницу. Врач проверяет и говорит: "Он трезвый". "Я же пьяный!" А он: "Нет. Вы трезвый. Вы Иванов? Да? Так вы трезвый совсем". Такого еще никто не видел, сам человек говорит: "Пьян", – а врач говорит и пишет заключение: "Трезвый". И права отдают отцу. Тот пришел и уже сидел в машине. Вот как люди относились к отцу. Врач ведь рисковал ради отца – а вдруг бы я сделал аварию?

Когда я был в заключении на Урале после того, как в шестьдесят первом году задавил человека, отец с Марией Матвеевной приехал ко мне на станцию Лесная, привез шоколадного медведя – огромного, как плюшевый. Морозы стояли, не дай боже. Меня к нему на дрезине привезли, дали отдельную комнату. Стоят генералы и мне, заключенному, уважительно пожимают руку. И с ними все начальство. Такой у меня был отец! В тюрьме я жил лучше, чем на свободе, был бесконвойный.

Когда папа умер, мне многие говорили: "Да ты теперь останешься без штанов, как твой отец. Это тебя папа кормил". Я спрашиваю их: "А почему? Я ведь пенсию получаю. Это, во-первых. А во-вторых, у меня пока есть люди, которые мне кусок хлеба дадут". Разве я отказываюсь, что меня папа кормил? И его люди – не миллионеры, а последним куском делятся.

Я всегда с отцом. Отец где-то далеко, а я все равно с ним. С ним в горе и в радости, в счастье своем и несчастье. Ведь он – совсем другого типа, отец. Я пил водку и коньяк – тоже был с ним. И в Сочах, и в Кисловодске – везде. Я – сын Иванова. Только ради отца я жил, и живу сейчас, и буду жить, что бы со мной ни делали, как бы в отношении меня ни поступали.

Вот вы, все люди, сейчас уйдете, оставите меня одного, никому из вас не нужного. А я останусь с ним. И если я выйду на улицу, скажу: "Папа! Помоги!" – то вы все ко мне придете. В тетради "Два пути" (1966 года 1 августа) П. К. Иванов пишет: "А кто с Богом, тот умирать никогда не будет. Вот вам Яшка. Он же мое дитя. Вы с него уже смеялись. Он же сила моя неумираемая. Он все понимает, чего я пишу, и то делает, чего я делаю в Природе. Он есть Бог жизни, но не сатана смерти. Это наше в этом деле незнание, умирают и умрут, и будут умирать. А Божова это независимая в природе сторона, она на любом человеке не будет умирать. Это Природа, она человека хранила, хранит и будет хранить. Если он будет делать по Божовому делу, любить Природу, и хорошее, и теплое, и холодное, и плохое, будет человек не однобокий, а кругозорный во всем направлении. Тогда-то будет Бог Земли".

Летом 1997 года Якова, сына П. К. Иванова, не стало.